

Неудавшийся писатель. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Неудавшийся писатель. Максим Горький

Ночью, в грязненьком трактире, в дымной массе полупьяных, веселых людей, человек, ещё не старый, но очень помятый жизнью, рассказал мне:

- Погубил меня телеграфист Малашин.

Наклонил голову в измятой кепке жокея, посмотрел под стол, передвинул больную ногу свою, приподняв ее руками, и длительно, хрипло вздохнул.

- Телеграфист Малашин, да. Благочинный наш именовал его нелепообразным отроком, девицы - Малашей. Был он маленький, стройный, розовые щеки, карие глаза, брови - темные, руки - женские; писаными красавцами называют таких. Веселый, со всеми ласковый, он был очень заметен, даже, пожалуй, любим в нашем городишке, где три тысячи пятьсот жителей не спеша исполняли обыкновеннейшие обязанности людей. В двадцать лет от роду проникся я скукой жизни до немоты души; очень уже раздражала и даже пугала меня тихая суета людей, непонятен мне был смысл этой суеты, смотрел я на всё недоуменно и однажды, в порыве чувства, написал рассказ "Как люди живут". Написал и послал рукопись в журнал "Ниву". Ожидал решения судьбы неделю, месяц, два и махнул рукой: эти штучки не для нашей внучки!

- А месяца через три, может быть, и больше, встречаю Малашина. "У меня, говорит, для тебя открытка есть". Подал мне открытое письмо, а на нем написано: "Рассказ Ваш скучно написан, и его нельзя признать удачным, но, по-видимому, у Вас есть способности. Пришлите еще что-нибудь".

- Не стану говорить, как я обрадовался. Малашин любезно рассказал, что открытка уже третий день у - него. "Случайно, говорит, захватил на почте, чтоб передать тебе, да все забывал. Так ты, говорит, рассказы пишешь, в графы толстые метишь?"

- Посмеялись и разошлись. Но уже в тот же день, вечером, когда я шел домой, дьякон, сидя у окна, крикнул мне: "Эй, ты, писатель! Я т-тебя!" И погрозил кулаком. В радости моей я не взвесил дьяконов жест. Знал я, что это человек фантастический: в молодости он стремился в оперу, но дальше регента в архиерейском хоре не пошел и в губернии не мог составить карьеры себе, страдая наклонностью к свободе действий. Пил он и в пьяном виде, на пари, бил лбом грецкие орехи, мог разбить целый фунт орехов, так что кожа на лбу у него лопалась. Носил в кармане железную коробочку с продохами, летом - для лягушат, а зимою - для мышей, и, улучив удобную минуту, пускал зверюшек этих дамам за шивороты. Шутки эти прощались ему за веселый его нрав и за то, что он удивительно знал рыбий характер, чудесный был рыболов! Но сам рыбу не ел, боясь подавиться костью, и пойманное дарил знакомым, чем весьма увенчивал любовь к нему.

- Так вот - обрадовался я. Был я в ту пору юноша скромный, характера задумчивого, собою некрасив.

Он прижал губами жиденькие выцветшие усы, прищурил желтые белки скучных глаз и дрожащей рукою стал бережно наливать рюмку водки. В двадцать лет он был, вероятно, неуклюж, костляв, серые вихрастые волосы его были, видимо, рыжими, мутные глаза - голубыми. И - множество веснушек на лице. Теперь его дряблые щеки густо исчерчены сложным узором красных жилок, сизый нос пьяницы печально опускался на усы. Водка уже не возбуждала его. Он бормотал натужно и как бы сквозь сон.

- Почувствовал я себя красавцем, значительной фигурой. Еще бы: имею способности редкого качества! Душа моя запела жаворонком. Начал жестоко писать, ночи напролет писал, слова с пера ручьем текут. Радость! Замечаю, что горожане стали смотреть на меня особенно внимательно. Ага, думаю...

- Малашин пригласил меня в гости к акцизному, а у того - дочь, бойкая такая барышня. Ну и еще разная молодежь. Интересуются мною, спрашивают: "Пишете? Пожалуйста - чаю! Внакладку!"

- "Ого, думаю, внакладку даже?!" Размешивал чай ложечкой, хлебнул что такое?

Неудавшийся писатель. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Солоно. Так солоно, что даже горько. До отвращения. Все-таки пью, по скромности моей. И вдруг все, хором, захохотали, а Малашин просмеялся и говорит: "Как же это? Писатель должен уметь различать все вещи, а ты соль от сахара не можешь отличить, как же это?"

- Я сконфузился, увял: эх, думаю... "Это, говорю, шутка, конечно..."

- Они еще больше хохочут. Потом стали уговаривать меня, чтоб я стихи читал, - я и стихи сочинять пытался. Малашин знал это. Уговаривают: "Поэты в гостях всегда стихи читают, и вы обязаны".

- Но тут мордастый сын головы вмешался; сказал: "Хорошие стихи пишутся только военными".

- Барышни стали доказывать ему, что он ошибается, а я незаметно ушел. И с этого вечера всем городом начали меня травить, как чужую собаку. В первое же воскресенье встретил я дьякона, идет с удочками, попирая землю, как чудовищный слон. "Стой, - кричит. - Пишешь, дурак? Я, говорит, три года в оперу готовился и вообще не тебе чета, а ты - кто? Муха ты! Такие, говорит, мухи только засиживают зеркало литературы, сволочь..." И так изругал меня, что мне даже обидно стало. "За что?" - думаю,

- Через некоторое время тетка моя - я сирота, у тетки жил - "что это говорят про тебя, будто пишешь ты? Бросил бы, тебе жениться пора..."

- Пытался я объяснить ей, что в деле этом ничего зазорного нет, что даже графы и князья пишут и вообще это занятие чистое, дворянское; но она заплакала; взывает: "Господи, и кто, злодей, научил тебя этому?"

- А Малашин, встречая меня на улице, орет: "Здравствуй, без четверти граф Толстой!" Сочинил глупенькую песенку, и, при виде меня, молодежь города зудит:

Все пташки, канарейки Прежалостно поют, Хотя им ни копейки За это не дают...

- "Эх, думаю, попал жук под копыто!" Так дразнят - на улицу показаться нельзя. Особенно - дьякон, освирепел, того и жди, отколотит. "Я, рычит, три года, а ты, негодяй..."

- Бывало, ночами, сижу я над рекой, соображаю: "Что такое? За что?"

- Над рекой уединенное место было, мысок, и на нем ольховая роща, так я заберусь туда и, глядя на реку, чувствую, будто вода эта темная, омыв город, сквозь мою душу течет, оставляя в ней осадок мутный и горький.

- Была у меня знакомая девушка, золотошвейка, ухаживал я за ней с чистым сердцем, и казалось, что я тоже приятен для нее. Но и она стала кукситься, осторожно спрашивает меня:

"Правда, что будто вы что-то написали в газеты про нас, про город?" "Кто вам сказал?" Поежилась она и рассказала:

"Писательство ваше у Малашина в руках, и он его всем читает, а над вами смеются и даже хотят бить, за то, что вы графу Толстому предались. Зачем вы Малашину дали писательство это?"

- Подо мной земля колыхнулась: у-ю-юй, думаю. Там у меня и про акцизного, и про дьякона, про всех, без радости, говорится. Конечно, несчастное писание мое я Малашину не давал, он сам взял рукопись на почте. Тут любезная моя еще подлила мне горечи: "За то, что я гуляю с вами, подруги смеются надо мной, - так что я уж не знаю, как мне быть". Эх, думаю я.

- Иду к Малашину. "Отдай рукопись, пожалуйста!"

- "Ну, зачем она тебе, говорит, если ее забраковали!"

- Не отдал. Нравился мне этот человек; замечаю я, что как ненужные вещи приятнее полезных, так же иногда приятен нам и вредный человек. И еще пример: нет битюга дороже скаковой лошади, хотя люди живут трудом, а не скачками.

Неудавшийся писатель. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Наступили святки, пригласил меня Малашин рядиться, нарядил чертом, в полушубок шерстью вверх, надели мне на голову козлиные рога, на лицо маску. Н-ну, плясали мы и все прочее, вспотел я и чувствую: нестерпимо щиплет мне лицо. Пошел домой, а меня на улице обогнали трое ряженных и кричат: "Ох, черт! Бей его!"

- Я - бежать. Конечно - догнали. Избили меня не сильно, но лицо горит - хоть кричи! Что такое? Утром подполз я к зеркалу, а рожа у меня неестественно багровая, нос раздуло, глаза опухли, слезятся. Ну, думаю, изуродовали! Они маску-то изнутри смазали чем-то едучим, и когда вспотел я, мазь эта начала мне кожу рвать. Недель пять лечился, думал - глаза лопнут. Однако - ничего, прошло.

Тогда я догадался: нельзя мне оставаться в городе. И тихонько ушел. Гуляю с той поры вот уже тринадцать лет.

Он зевнул и устало прикрыл глаза. Он казался человеком лет пятидесяти.

- Чем вы живете? - спросил я.

- Конюх, служу на бегах. Даю материал о лошадях репортеру одному.

И, улыбаясь медленно, доброй улыбкой, он сказал:

- До чего благородные животные лошади! Сравнить не с чем лошадей. Только вот одна ногу разбила мне...

Вздохнув, он тихо добавил, точно строчку стиха прочитал:

- Самая любимая моя...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!